

О.В. Шаталова
O.V. Shatalova

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА МЫШЛЕНИЯ (ПО РАССКАЗУ И.С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА»)

INTERTEXTUALITY AS THE BASIS OF THINKING (BASED ON I.S. TURGENEV'S SHORT STORY "HAMLET OF SHCHIGROVSKY DISTRICT")

Аспекты цитации, аллюзии, интертекстуальности, определяющие совместное бытование текстов в мировосприятии человека, активно исследовались на протяжении последнего столетия, обозначив феномен прецедентности в качестве одного из основополагающих факторов развития культуры. Интертекстуальность в своем каноническом воплощении представляет собой вербальную объективацию одного текста (на уровне отдельных слов, идей, образов) в рамках другого, созданного хронологически позднее. Интертекстуальность широко и многосторонне представлена в русской литературе, которая перманентно настроена на формирование пространства для разнонаправленного диалога. С учетом факта значимости литературы для развития личности русского человека можно выявить влияние интертекстуальности на деятельность, характер, менталитет личности. Один из ярких примеров, подтверждающих данный постулат, представлен в рассказе И.С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда». Системный и комплексный анализ монолога главного героя позволяет проследить его интеллектуальную и духовную зависимость от героев произведений Грибоедова А.С., Пушкина А.С., Лермонтова М.Ю.: особенности мышления и мировосприятия Чацкого, Онегина, Печорина оказали настолько значительное влияние на Василия Васильевича, что как самостоятельная личность он не состоялся, воплощая определенные жизненные сценарии. В статье предлагается формальное сопоставление текстов 4 произведений, позволяющее проследить поступательное моральное и биографическое следование героя Тургенева классическим сюжетам, которое приводит его к ситуации полного устранения из реальности, перехода в сферу рефлексии, которая оказывается для него тоже не личной, а отраженной через образы «лишних людей». Речевой портрет Василия Васильевича лишен индивидуальных черт, лексически и грамматически отражает особенности построения речи Чацкого, Онегина, Печорина; структура речи и интонация меняются в зависимости от передаваемой ситуации. Драматическая «пародийность» подчеркивается обобщенной авторской характеристикой героя – «Гамлет Щигровского уезда», обозначающей духовный трагизм представителя поколения 1840-х годов и одновременно несоответствие масштаба заявленной личностной позиции ее реальному воплощению.

Ключевые слова: прецедентность, интертекстуальность, лишний человек, Тургенев, Гамлет, речевой портрет.

The aspects of citation, allusion, and intertextuality that determine the co-existence of texts in the human worldview have been actively studied over the past century, identifying the phenomenon of precedent as one of the fundamental factors in the development of culture. Intertextuality in its canonical embodiment is the verbal objectification of one text (at the level of individual words, ideas, images) within the framework of another, created chronologically later. Intertextuality is widely and comprehensively represented in Russian literature, which is permanently attuned to the formation of a space for multidirectional dialogue. Taking into account the importance of literature for the development of the personality of a Russian person, it is possible to identify the influence of intertextuality on the activity, character, and mentality of a personality. One of the most striking examples confirming this postulate is presented in I.S. Turgenev's short story "Hamlet of Shchigrovsky district". A systematic and comprehensive analysis of the main character's monologue allows us to trace his intellectual and spiritual dependence on the characters of the works of Griboyedov A.S., Pushkin A.S., Lermontov M.Yu.: the peculiarities of thinking and worldview of Chatsky, Onegin, Pechorin had such a significant impact on Vasily Vasilyevich that as an independent personality he did not take place, embodying certain life scenarios. The article proposes a formal comparison of the texts of 4 works, which allows us to trace the progressive moral and biographical following of Turgenev's hero to classical plots, which leads him to a situation of complete elimination from reality, transition to the sphere of reflection, which turns out to be not personal for him either, but reflected through the images of "superfluous people". The speech portrait of Vasily Vasilyevich is devoid of individual features, lexically and grammatically reflects the peculiarities of the speech structure of Chatsky, Onegin, Pechorin; the structure of speech and intonation vary depending on the situation being conveyed. The dramatic «parody» is emphasized by the generalized author's characterization of the hero – "Hamlet of Shchigrovsky district", which denotes the moral tragedy of a representative of the generation of the 1840s and at the same time the discrepancy between the scale of the declared personal position and its real embodiment.

Key words: precedent, intertextuality, superfluous man, Turgenev, Hamlet, speech portrait.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-65-2-73-80

В русской литературной среде уже в 50-е годы XIX столетия «теоретически оформилась» после выхода в свет произведения И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» тема «лишнего человека» [1, 296]. Критиками был описан этот тип литературного героя, обозначены все его характерологические черты, обнаружены параллели с персонажами разных десятилетий, выстроены классификации «лишних людей» по характерам, действиям, отношениям с окружающими и миром. «В самом деле, – писал А.Н. Добролюбов в 1959 г. – раскройте, например, «Онегина», «Героя нашего времени», «Кто виноват?», «Рудина» или «Лишнего человека», или «Гамлета Щигровского уезда» – в каждом из них вы найдете черты, почти буквально сходные с чертами Обломова» [Цит. по: 9].

Уже традиционной, как кажется на первый взгляд, не требующей дополнительного исследовательского внимания стала концепция, по которой еще до того, как А.Н. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский подхватили термин и надолго закрепили его в литературоведении, «сама же художественная практика уже создала типические черты этого, так называемого "лишнего человека"» [1, 296], в результате чего выстраивалась довольно убедительная галерея персонажей, демонстрирующих хронологическую

последовательность и социально-психологическую деградацию личности: Чацкий, Онегин, Печорин, Василий Васильевич («Гамлет Щигровского уезда»), Рудин, Лаврецкий, Обломов.

Объединенные терминологическим обозначением и сходными чертами характера, эти персонажи заслонили в литературоведческой традиции саму эпоху, которая породила каждого из них. Но нельзя не признавать, что социально-политические, нравственно-идеологические условия 20-х, 40-х и 60-х годов значительно различались, что позволяет однозначно говорить о существенных качественных отличиях «лишнего человека» начала и середины XIX века.

В задачи нашего исследования не входит ни анализ специфики художественных образов Чацкого, Онегина и Печорина, ни характеристика историко-политических и социально-психологических условий их формирования: они предельно подробно описаны как классиками литературоведческо-философской критики, так и авторами школьных учебников. Ставшие каноническими оценки В.Г. Белинского: «страдающий эгоист», «эгоист поневоле» – и вызывающие сочувствие «миллион терзаний» Чацкого в характеристике И.А. Гончарова [2] определили симпатии читающей и мыслящей публики: «лишний человек» однозначно представлялся авангардистом, противостоящим «веку минувшему», «светскому» или «водяному обществу», а сами произведения – это «энергический протест против гнусной расейской действительности <...>, против невежества, добровольного холопства и пр., и пр., и пр.» [Цит. по: 8, 41]. В современных исследованиях представлены оценочные характеристики различных «инвариантов» данного типа литературного героя, поскольку «лишний человек» – это «не просто литературный тип, это сгусток национально-философских взглядов, влияющий на целый пласт сюжета и концепций романских структур, выражающих идеи эпохи» [3, 295], фактически уже перешедший в формат прецедентного явления русской культуры.

В свете сложившейся тенденции тем более актуальной представляется попытка выявления причин, определяющих так называемую «деградацию» личности, что особенно четко обозначается в самохарактеристике героя рассказа Тургенева «Гамлет Щигровского уезда»: уничижительные самооценки – лейтмотив его своеобразной исповеди, произнесенной перед рассказчиком – автором-повествователем: современные исследователи отмечают непосредственные типологические связи между «гамлетом» и «лишним человеком» [4; 12].

Необходимо обратить внимание на то, что данный тип героя – «лишний человек» – развивается последовательно, в первую очередь в историко-хронологическом отношении.

Если проследить время появления каждого из героев на сцене общественной жизни и условно попытаться определить «возрастные характеристики» в отношении друг к другу, то довольно четко прослеживается следующая зависимость: комедия «Горе от ума» А.С. Грибоедова начала ходить в списках по частям около 1823 года, в 1825 году были опубликованы I и III акты; роман «Евгений Онегин» А.С. Пушкина создавался в период 1823–1831 гг., в 1825 г. вышла из печати I глава. То есть Чацкий и Онегин могут быть условно обозначены как ровесники, тем более, что детали их жизни и определенные умонастроения перекликаются. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» был опубликован (и получил отклик сразу же) в 1839 году. Влияние произведений Грибоедова и, особенно, Пушкина на творчество Лермонтова является общепризнанным [7; 10]. В то же время социально-политические и интеллектуально-психологические условия формирования личности Печорина значительно отличались от параметров бытования Чацкого и Онегина. Следствием такого соотношения стало появление характера самобытного, рефлексирующего, в том числе и сопоставительно по отношению к предшественникам, специфически оценивающего предназначение и роль своего поколения в истории.

Герой рассказа Тургенева «Гамлет Щигровского уезда», опубликованного в 1949 году, по условным подсчетам, может быть отнесен к поколению Печорина, но в отличие от героя Лермонтова он, если можно так выразиться, «несколько опоздал с развитием» и

постоянно «жил во след» появляющимся в круге его чтения и осмысления художественным произведениям.

Изложение биографии самим Василием Васильевичем – это постоянная аллюзия, а произносимый текст – прямая интертекстуальность как в ее каноническом представлении, так и в относительно вольных интерпретациях данного явления в рамках современной исследовательской парадигмы [3; 5; 6; 11].

Молодость, период формирования личности «Гамлета Щигровского уезда» формально проходила в период популярности «Горя от ума» и «Онегина». Активно переосмысляя прочитанное, воспринимая героев комедии и романа в стихах фактически как современников, молодой человек не мог не соотносить себя и свою жизнь с реалиями их жизни, где-то перекладывая характеристики, относящиеся к Чацкому и Онегину, на свою повседневную, как ему казалось по свойственной молодости тенденции восприятия мира, ничем не примечательную жизнь. Возможно, именно поэтому значимые события, характеристики и оценки детства и юности Василия Васильевича так полномерно совпадают с содержанием обозначенных произведений:

Тургенев И.С. Гамлет Щигровского уезда	Грибоедов А.С. Горе от ума	Пушкин А.С. Евгений Онегин
...говорю по-французски не хуже вас...	Фамусов о Чацком: Он славно пишет, переводит.	Он по-французски совершенно Мог изъясняться и писал...
...по-немецки даже лучше... Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гете наизусть...	Чацкий: Как с ранних пор привыкли верить мы, Что нам без немцев нет спасенья!	Он из Германии туманной Привез учености плоды:... Под небом Шиллера и Гете Их поэтическим огнем Душа воспламенилась в нем...
3. ...три года провел за границей...	Чацкий: Скажи любви навек конец, Кто на три года вдаль уедет...	Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест... И начал странствия без цели... Он возвратился и попал, Как Чадский, с корабля на бал. <...>
4. Я тоже заеден рефлексией...	Чацкий: Да, мочи нет; мильон терзаний... А пуще голове от всяких пустяков.	Томясь душевной пустотой, Уселся он – с похвальной целью Себе присвоить ум чужой... Мне навились его черты, Мечтам невольная преданность... И резкий охлажденный ум.
5. Целых два года я провел еще после того за границей: был в Италии, постоял в Риме перед Преображением, и перед Венерой во Флоренции постоял	Чацкий: Ах! тот скажи любви конец, Кто на три года вдаль уедет... Неужли так меня три года изменили?	«Так ты женат! Не знал я ране! Давно ли?» – Около двух лет. – «На ком?» – На Лариной. – «Татьяне!»
Нашлись снисходительные люди, которым я показался чуть ли не гением: дамы	Софья: Остер, умен, красноречив. В друзьях особенно счастлив.	Онегин был, по мнению многих (Судей решительных и строгих), Ученый малый ...

с участием выслушивали мои разглагольствования...	Фамусов: ... Он малый с головой, И славно пишет, переводит. Нельзя не пожалеть, что с этаким умом... Не я один, все так же рассуждают.	Имел он счастливый талант ... И возбуждать улыбку дам Огнем неожиданных эпиграмм.
В одно прекрасное утро родилась на мой счет сплетня (кто ее произвел на свет божий, не знаю: должно быть, какая-нибудь старая дева мужеского пола, – таких старых дев в Москве пропасть), родилась и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника. Я запутался, хотел выскочить, разорвать прилипчивые нити, – не тут-то было... Я уехал	Софья: Он не в своем уме... Загорецкий: Он сумасшедший... Фамусов: Я первый, я открыл; Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет! Чацкий: Растерян мыслями...чего-то ожидаю... Вот из Москвы! Сюда я больше не езду. Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, Где оскорбленному есть чувству уголок! Карету мне, карету!	Он мог бы чувства обнаружить, А не щетиниться, как зверь... К тому ж – он мыслит – в это дело Вмешался старый дуэлист; Он зол, он сплетник, он речист... Но шепот, хохотня глупцов...» И вот общественное мнение! Пружина чести, наш кумир! И вот на чем вертится мир!

Речевые самохарактеристики героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда» совпадают до мелочей с высказываниями его «духовных прототипов», причем совпадения обозначаются не только в вопросах образования, воспитания, идейно-нравственных поисков (1, 2, 4), но и в биографических деталях (3, 5, 6, 7). В тех же случаях, когда герой не может найти «соответствия» в образе «лишнего человека», то обращается к книжной «протоситуации», связанной, возможно, даже с антиподом. Так, например, происходит с «проживанием» и «изложением» любовной линии, которая традиционно является одной из самых показательных, раскрывающих сущность человека не только в литературе. Однако Василий Васильевич «чувства нежные» также «списывает» с литературных персонажей – Молчалина и Ленского.

Разговаривал я с ней, правда, мало, – больше так на нее смотрел; но читал ей вслух разные трогательные сочинения, пожимал ей украдкой руки, а по вечерам мечтал с ней рядом, упорно глядя на луну, а не то просто вверх.	Софья о Молчалине: Возьмет он руку, к сердцу жмет, Из глубины души вздохнет, Ни слова вольного, и так вся ночь проходит, Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.	Он вечно с ней. В ее покое Они сидят в потемках двое; Они в саду, рука с рукой, Гуляют утренней порой... Он только смеет иногда, Улыбкой Ольги ободренный, Развитым локоном играть Иль край одежды целовать.
--	---	--

Данный подход обнаруживает неестественность духовных терзаний героя, его формальное следование «печатному образцу», причем уже без разграничения качественных характеристик принимаемых шаблонов поведения и самооценивания. (Кажется, Тургенев фиксирует «измельчание» «лишнего человека», в чем можно увидеть некоторые интенции к идеям Ф.М. Достоевского, характеризующего другой тип – «маленького» человека, также утрачивающего масштаб пушкинского и гоголевского «прототипов»).

Подобная интертекстуальность, основывающаяся почти на прямом цитировании не является случайной: учитывая специфику влияния художественных произведений на формирование идеалов юношества XIX века, несложно предположить, что герои концептуальных произведений, которые становились отражением эпохи и своеобразным моральным компасом общества, входили в сознание мыслящего молодого человека. Это принимало особо глубокую форму, если собственная личность и жизнь не представлялись ему заслуживающими внимания (кстати, подобное настроение никчемности, нереализованности, изначально предначертанной бездеятельности было свойственно поколению Лермонтова и нашло отражение в «Герое нашего времени»).

Но, поскольку властителем дум поколения 1830-х был все же Пушкин, то в тех моментах, которые характеризуют внутреннюю жизнь, духовные переживания «Гамлета» – Василия Васильевича, он однозначно перефразирует Пушкина. В этих переключках интертекстуальна не только фактура, но и эмоциональность: создается впечатление, что и чувства юного Василия Васильевича не самостоятельны, а «навеяны» переживаниями Онегина, которые герой Тургенева не просто исследовал, а перенял, научился жить, следуя ощущениям «страдающего эгоиста»:

<i>Тургенев И.С. Гамлет Шизровского уезда</i>	<i>Пушкин А.С. Евгений Онегин</i>
Детство мое нисколько не отличалось от детства других юношей: я так же глупо и вяло рос, словно под периной, так же рано начал твердить стихи наизусть и киснуть, под предлогом мечтательной наклонности...	Сперва Madame за ним ходила, Потом Monsieur ее сменил, Ребенок был резов, но мил. Monsieur L'Abbé, француз убогой, Чтоб не измучилось дитя, Учил его всему шутя, Не докучал моралью строгой, Слегка за шалости бранил И в Летний сад гулять водил.
Как стукнуло мне шестнадцать лет, матушка моя, нимало не медля, взяла да прогнала моего французского гувернера, немца Филиповича из нежинских греков...	Когда же юности мятежной Пришла Евгению пора – Пора надежд и страсти нежной – Monsieur прогнали со двора. Monsieur L'Abbé, француз убогой...
Я могу пройти молчанием первые впечатления деревенской жизни, намеки на красоту природы, тихую прелесть одинокости и прочее...	Два дня ему казались новы Уединенные поля, Прохлада сумрачной дубровы, Журчанье тихого ручья; На третий роща, холм и поле Его не занимали боле; Потом уж наводили сон...
По углам изразцовые печи, кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диван, обитый полинялым голубым штофом с беловатыми разводами, круглый стол, две горки с фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининского времени, на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами, на столе ваза с свежими розами...	Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины; У них на масленице жирной Водились русские блины; Два раза в год они говели, Любили круглые качели, Подблюдны песни, хоровод; В день Троицын, когда народ, Зевая, слушает молебен, Умильно на пучок зари Они роняли слезки три; Им квас как воздух был потребен. И за столом у них гостям Носили блюда по чинам.

Я, должно быть, и родился-то в подражание другому... Ей-богу! Живу я тоже словно в подражание разным мною изученным сочинителям	Что он? Ужели подражанье, Ничтожный призрак, или еще Москвич в Гарольдовом плаще, Слов модных полный лексикон?.. Уж не пародия ли он?
Ни хозяйство, ни служба, ни литература – ничто ко мне не пристало; помещиков я чуждался, книги мне опротивели	Отрядом книг уставил полку, Читал, читал, а все без толку... Сперва задумал наш Евгений Порядок новый учредить. В своей глуши мудрец пустынный, Ярем он барщины старинной Оброком легким заменил...

Когда же в повествовании о жизни герой рассказа «Гамлет Щигровского уезда» доходит до описания своего мироощущения относительной зрелости и пытается рефлексировать на тему «итоги жизни», то он совмещает психо-хронологически состояние, которое сегодня принято определять как «кризис среднего возраста», с состоянием «момента речи» (формально прошло около 10 лет после выхода романа Лермонтова). И эта часть его сознания однозначно интертекстуально отражает переживания Печорина:

<i>Тургенев И.С. Гамлет Щигровского уезда</i>	<i>Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени</i>
Я, видите ли, робок, и робок не в ту силу, что я провинциал, нечиновный, бедняк, а в ту силу, что я страшно самолюбивый человек.	Я был скромненький – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен.... Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца...
В молодости моей какие возбуждал я ожидания!	Зачем я жил? Для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...
Какое высокое мнение я сам питал о своей особе перед отъездом за границу, да и в первое время после возвращения!	...я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже.
Я узнал ядовитые восторги холодного отчаяния; я испытал, как сладко, в течение целого утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и час своего рождения, – я не мог смириться разом.	И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой.

Таким образом, анализ речи героя Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» позволяет сделать предположение о том, что его психологическая несостоятельность определяется прежде всего интеллектуально-духовной несамостоятельностью, интертекстуальностью мышления.

Перенимая чужой духовный опыт – Чацкого, Онегина, Печорина, – он потерял возможность прожить свою жизнь, совершить собственные ошибки и развить личный нравственный потенциал, что, возможно, дало бы ему право быть «нелишним» или «Лишним» с большой буквы, с самостоятельным именем (именем-символом, подобным Онегину, Печорину или Обломову), а не взятым напрокат из мирового культурного опыта (Гамлет) или из повседневной банально-бытовой среды («зовите меня Василием Васильевичем»).

1. Артамонов С.Д. Сорок веков мировой литературы: в 4 кн. Кн. 4. Литература нового времени. М., 1997.

2. Гончаров И.А. Миллион терзаний // Русская литература. Хрестоматия: в 2 ч. Ч. 1. / сост. Т.П. Казымова. М., 1988.

3. Григорян Э.Р. Доминанты «лишнего человека»: интертекстуальность литературных героев // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сборник материалов VII (XXI) Международной научно-практической конференции молодых ученых, Томск, 16–18 апреля 2020 года. Т. 21. Томск, 2020. С. 294–299.
4. Жернова Н.С. Борец или лишний человек? (мужской образ в прозе А.М. Ремизова 1903–1910 гг.) // *Universum: филология и искусствоведение*. 2016. № 11(33). С. 22–23.
5. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999.
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996.
7. Непомнящий В.С. Феномен Пушкина и исторический жребий России // Пушкин и современная культура. М., 1996.
8. Райхин Д.Я. Белинский в школе. М., 1964.
9. Румянцев А. Образ, начертанный резцом. К 125-летию со дня кончины И.А. Гончарова. URL <https://denliteraturi.ru/article/1959> (дата обращения: 09.05.2025)
10. Скотов Н.Н. Русский гений. М., 1987.
11. Студеникина Д.Г. Прецедентные имена художественной литературы как механизмы формирования языковой картины мира // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2021) // Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 06–10 декабря 2021 года. Ч. 6. М., 2021. С. 299–303.
12. Харисова Т.Е. Трагедия проснувшегося сознания: «лишний человек» из народа в рассказе И.А. Бунина «Захар Воробьев» // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 510–516.